

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
Н. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 11 марта 1882
27 февраля

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Начало конца. — 2) Выписка изъ письма. — 3) Нѣмцы о Скобелевѣ. — 4) Донесъ на зачпнающуюся въ Вильнѣ польскую интригу. — 5) Поправка къ процессу 20-ти. — 6) Конечная цѣль и политика трехимперскаго союза (окончаніе). — 7) Германство на Востокъ и Московщина на Западъ, М. Драгоманова. — 8) Изъ Дубровника (корреспонденція «Вольн. Слова»), П—пча. — 9) За цесаремъ служба не пропадаетъ. — 10) Хроника рабочаго движенія: I. Германія. II. Испанія. III. Франція.—11) Среди галицкой сумятицы: I. «Czas» и «Діло». II. Кого слушать? III. Caeterum censeo. IV. Прямая и косвенная ложь въ газетѣ «честнаго» г. Аксакова, М. Д.

Женева, 11 марта 1882 г.

Проекты свѣдущихъ людей о мѣрахъ противъ пьянства подвергся, какъ и слѣдовало ожидать, министерской цензурѣ и измѣненіямъ безъ объясненія причинъ.

Проектъ министра финансовъ объ учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка, помимо всякихъ свѣдущихъ людей, поступилъ прямо на обсужденіе государственнаго совѣта.

Вновь собравшіеся для обсужденія переселенческаго вопроса свѣдущіе люди, призванные рѣшить этотъ вопросъ для всей Россіи, привезли съ собою свѣдѣнія по переселеніямъ крестьянъ не болѣе, какъ изъ трехъ—четырехъ уѣздовъ, и въ свою очередь ожидаютъ правительственныхъ измѣненій, безъ объясненія причинъ, и всякихъ отмѣнъ въ цѣломъ или въ частностяхъ выработанныхъ ими предположеній.

И такъ, съ одной стороны, далеко не совершенная, по недостатку знакомства съ мѣстностями и по отсутствію всякихъ полномочій отъ населенія, работа на удачу выбранныхъ свѣдущихъ людей, съ другой — ничѣмъ немотивированная, а главное вовсе неоснованная на соображеніи съ дѣйствительностію помарки въ этой работѣ, дѣлаемая властною рукою мини-

стерскихъ канцелярій, наконецъ, прямое обращеніе къ законодательной власти, безъ предварительнаго съ кѣмъ бы то ни было совѣщанія, тѣхъ же канцелярій по вопросу (о крестьянскомъ банкѣ), стоящему въ тѣсной зависимости съ разсматриваемымъ свѣдущими людьми вопросомъ о движеніи крестьянскихъ переселеній, — таковы «способы изысканія» мѣръ къ благодѣтельствуванію народа, къ устраненію изъ его среды разрушительнаго въ нравственномъ и матерьяльномъ отношеніи пьянства и лежащагося тяжелымъ тормазомъ «на преуспѣяніе его экономического быта» малоземелья. Не далеко уйдешь съ такими «способами изысканія»! Но на кого же падетъ отвѣтственность за неизбѣжную при такихъ условіяхъ неуспѣшность придуманныхъ мѣръ? Говорятъ, на правительство. Новѣдъ правительство по закону неотвѣтственно, стало быть, не выходя изъ рамокъ законности «освященнаго вѣками и національнымъ духомъ» нашего государственнаго строя, остается все дѣло настоящихъ и будущихъ преобразованій, задуманныхъ будто бы на благо общее, предать въ руки божія, надѣяться на возмездіе правительственному невѣжеству на страшномъ судѣ, гдѣ при томъ же — и этого не слѣдуетъ забывать — по предустановленному благимъ провидѣніемъ порядку, слабоумныхъ не наказываютъ, а о злыхъ имѣютъ понятія слишкомъ своеобразныя, въ силу которыхъ «пещись о хлѣбѣ насущномъ» не очень то и слѣдуетъ.

Но можетъ ли вообще надежда на загробный судъ божій успокоить нынѣ живущихъ на землѣ? Можетъ ли считать себя обезпеченною отъ противозаконныхъ насилій такая земная власть, которая не желаетъ признать себя отвѣтственною по закону?

Исторія и текуція событія даютъ на эти вопросы вполне ясныя и опредѣлен-

ные отвѣты. Не желающіе ихъ слышать, отворачивающіе глаза отъ дѣйствительности и морочащіе себя и другихъ туманными теоріями о божественной сущности всякой власти на землѣ, недостижимой для обыкновенныхъ смертныхъ, пусть же не пеняютъ на жизнь, когда она, управляемая законами права и справедливости и неудержимо стремясь къ водворенію истины на землѣ, начинаетъ опрокидывать кумиры самовластія, топчетъ въ прахъ воздвигаемыя недоумками искусственныя и потому самому лишь временныя преграды и силою вещей осмѣиваетъ завѣты «давно минувшихъ дней», «преданья старины глубокой», когда общество было еще далеко отъ самосознанія, когда огромное большинство народа гнулось и стонало подъ игмомъ крѣпостничества, — помѣщичьяго, монастырскаго, царскаго, государственнаго.

Близорукое петербургское правительство и слѣпорожденные московскіе пророки не замѣчаютъ, конечно, или, вѣрнѣе, не понимаютъ, не могутъ понять уже поднявшагося движенія въ разныхъ областяхъ Россійской Имперіи. Кто нащупываетъ въ этомъ движеніи польскую интригу, кто — крамольные происки нигилистовъ, кто — властолюбивые замыслы либераловъ. Не видятъ или не хотятъ видѣть того, что даетъ пищу и т. н. польской интригѣ, и крамольнымъ проискамъ нигилистовъ, и властолюбивымъ замысламъ либераловъ и всякаго рода проходимцевъ: не видятъ и не хотятъ видѣть всеобщаго неудовольствія, всеміи чувствуемаго и многими сознаннымъ безсилія правительства, при упорствѣ его пристрастія къ нынѣшней формѣ правленія и государственнаго устройства, сохранить внутренній миръ, править страной на началахъ законности.

Понятно, что по причинѣ своей близорукости или слѣпорожденности они не

удобство такого положенія и величайшая опасность для Россіи, какъ и для Австро-Венгрии, это — зависимость отъ третьяго союзника, которая будетъ тѣмъ болѣе полная, чѣмъ далѣе та или другая держава дастъ себя вовлечь.

ГЕРМАНСТВО НА ВОСТОКѢ И МОСКОВЩИНА НА ЗАПАДѢ.

Рѣчи ген. Скобелева придали жару немолчающимъ уже нѣсколько лѣтъ разговорамъ о предстоящемъ столкновеніи между племенемъ германскимъ, предводимымъ Пруссіей, и племенами славянскими, предводимыми Россією. Откинувши даже добрую долю на газетную болтовню, служащую для препровожденія времени публицистовъ и публики, — все таки нельзя не признать въ этихъ разговорахъ значительной доли серьезнаго.

Германское племя движется на Востокъ уже болѣе десяти вѣковъ и въ этомъ движеніи поглотило и подчинило себѣ не одинъ славянский народъ. Московское государство, съ XVII в. особенно, двинулось на встрѣчу германскому *Drang nach Osten* и, ставши Россією, соприкоснулось наконецъ съ воинственнымъ нѣмецкимъ государствомъ, Пруссією, и съ ея соперникомъ-союзникомъ, Австріей, по всей западной границѣ. Уже съ XVIII в. намѣтилось соперничество Россіи съ Австріей, — въ этомъ отношеніи и тогда уже поддерживаемой со стороны Пруссіи, — за вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Въ германской публикѣ очень распространена мысль о необходимости подчиненія Дунайско-Балканскихъ земель нѣмецкому вліянію. Изъ многочисленной литературы, въ которой высказана эта мысль, мы укажемъ только нѣсколько примѣровъ, взявъ ихъ у авторовъ весьма разнообразныхъ партий и значительной извѣстности.

Мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ подъ рукою собранія сочиненій Листа, котораго почитаютъ основателемъ національной экономіи въ Германіи, и потому должны лишиться читателей поучительности прочувствовать всю силу не только мыслей, но и выраженій этого писателя по занимающему насъ вопросу. Мы передадимъ эти мысли по изложенію Рошера (*Geschichte der National Ökonomik in Deutschland*; 987—988), сохраняя и его ссылки на полное собраніе сочиненій его предшественника. Въ основу своихъ экономическихъ расчетовъ для нѣмецкой націи Листъ кладетъ политическій союзъ средней Европы подъ гегемоніей Пруссіи. Въ этомъ союзѣ должны принять участіе и «береговья государства», т. е. Голландія и Данія, а также страны до Балканскаго хребта, — чтобы такимъ образомъ получилась Германія, прилегающая къ четыремъ морямъ (Сѣверному, Балтійскому, Адриатическому и Черному). (*Ges. Schrift.* II, 211). Такая Германія будетъ своего рода грозой противъ Франціи и Россіи, которыми потому кажутся опасными нѣмецкому экономисту, что онѣ обѣ стремятся пополнить свои «не-совершенныя національности» присоединеніемъ

нѣмецкихъ земель (II, 442). «Особенно, говоритъ Рошеръ, беретъ Листа забота и истинное отвращеніе относительно Россіи: онъ сравниваетъ ее съ лютымъ звѣремъ, который тогда только лежитъ спокойно, когда перевариваетъ проглоченную пищу (собственно — жратву, *Frasz*), или подкрѣпляетъ себя сномъ, или выжидаетъ новую добычу. Если этотъ звѣрь, по странной игрѣ природы, получитъ человѣческую голову, то онъ сдѣлается еще страшнѣе, такъ какъ онъ сможетъ примѣнять свой звѣрскій инстинктъ тѣмъ съ болѣею послѣдовательностію, искусствомъ и кажущеюся умѣренностію» (II, 315). [Такъ у Рошера, въ его «Началахъ народнаго хозяйства», читаемъ: «Наши переселенцы въ Россію, Америку, Австралію и Алжиръ отправляются изъ отечества со всѣмъ, что они имѣютъ, и болѣею частію для насъ погибаютъ: они становятся покупателями и поставщиками чужихъ народовъ, которые часто наши соперники и враги. Дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, если бы нѣмецкихъ переселенцевъ отправили въ нѣмецкія колоніи, которыя можно устроить, напр., въ плодосныхъ, но рѣдко населенныхъ частяхъ Венгрии, въ польскихъ провинціяхъ Польши и Пруссіи, наконецъ, въ тѣхъ частяхъ Турціи, которыя въ будущемъ, Богъ дастъ, составятъ наслѣдіе Германіи. Здѣсь путемъ колонизаціи можно было бы основать новую Германію, которая превзошла бы старую и величійю, и числомъ населенія, и богатствомъ, и образовала бы вмѣстѣ съ тѣмъ самый вѣрный оплотъ отъ всякой опасности со стороны русскихъ и поляковъ. Этой страной могли бы мѣ, по отношенію къ народному хозяйству, точно также воспользоваться, какъ соединенные Штаты воспользовались долиною Миссисиппи и далекимъ Западомъ, особенно же во всемъ томъ, что касается фактически исключительнаго пользованія». (Рошеръ, *op. cit.*, русскій переводъ, т. I, отд. 2, стр. 323).

Въ 1863 г. социалистъ Фердинандъ Лассаль писалъ Родбертусу (бывшему министру), что онъ съ удовольствіемъ прочелъ въ брошюрѣ одного пруссика слова: «я надѣюсь еще дожить до того времени, когда наслѣдство Турціи достанется Германіи и когда полки нѣмецкихъ солдатъ или работниковъ станутъ на Босфорѣ». Относительно не-германскихъ народовъ, которые оказались бы такимъ образомъ подъ нѣмецкими солдатами или рабочими, — знаменитый демагогъ выражается такъ: «нѣтъ, я вовсе не сторонникъ принципа національностей. Я требую правъ національности только для большихъ культурныхъ націй, а не для племенъ, которыхъ все право состоитъ только въ томъ, чтобы быть перерождаемыми и развиваемыми первыми». (*Ich vindicire das Recht der Nationalität nur den grossen Cultur Nationen, nicht den Rassen, deren Recht vielmehr nur darin besteht, von jenen assimiliert und entwickelt zu werden.* См. *Briefe von F. Lassale an C. Rodbertus—Jagetzow*, 56—57).

Слова Лассали показываютъ, что нѣмецкіе социалисты далеко не отгнѣпились отъ воинственнаго отношенія къ юго-восточнымъ

ихъ сосѣдямъ. И дѣйствительно, вполнѣ шовинистическій націонализмъ по отношенію къ славянамъ обнаруживаютъ и многіе изъ нѣмецкихъ социалдемократовъ, даже члены Интернаціонала, какъ это показало особенно во время послѣдней славянской войны противъ Турціи. Мы отсылаемъ читателя особенно къ рѣчамъ и брошюрамъ Либкнехта («*Zur Orientalischen Frage oder soll Europa kozakisch werden*» и «*Die Orientdebatte im deutschen Reichstage*»). Съ перваго раза можетъ показаться, что люди, въ родѣ Либкнехта, стоятъ за «интернаціональные интересы противъ принципа національностей, который раздѣляетъ народы», — противъ російскаго деспотизма, угнетающаго всѣ народы, особенно Польшу, которой возстановленія требуютъ эти люди въ интересахъ свободы всей Европы, — и можно было бы находить, что если ихъ симпатіи антипатіи нѣсколько и односторонне направлены, и нѣсколько странно выражаются, то во всякомъ случаѣ имѣютъ въ основѣ гуманное начало. Но, вчитавшись внимательнѣе въ эти рѣчи и сообразивъ ихъ съ реальными условіями жизни народовъ между Эльбою и Чернымъ моремъ, видишь, что въ этихъ социалистахъ и интернационалистахъ живетъ все таки духъ старыхъ Генриховъ Птицелововъ и Святыхъ и прочихъ истребителей славянъ.

Эти господа противъ Россіи, — по за то они за Австрію и даже за Турцію. Австрія мила этимъ страннымъ интернационалистамъ, какъ часть «могучей илотины, которую воздвигъ германскій міръ отъ Сѣвернаго моря до Адриатики противъ славянства». Турецкія притѣсненія славянъ эти гуманисты считаютъ выдумкою и заявляютъ, что «нельзя показать ни одной головы южно-славянской, которая бы дѣйствительно стремилась на волю». Изъ всѣхъ славянъ дѣлается исключеніе для однихъ поляковъ, — по, очевидно, только потому, что поляки противники Россіи, — при чемъ, конечно, подъ Польшею демократы, въ родѣ Либкнехта, не видятъ не-польскихъ и мужицкихъ народовъ (литвиновъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ), которыхъ столько же нѣтъ резона отдавать и возстановленной Польшѣ, какъ и сохранять во власти деспотовъ Россіи. Такія, очень условныя, симпатіи къ Польшѣ Либкнехтовъ, даютъ полное основаніе предполагать, — что, ставъ Польша дѣйствительно самостоятельной, съ своею политикою, а не какъ орудіе только для нѣмецкаго *Drang nach Osten*, — то и Либкнехты отнеслись бы къ ней такъ же, какъ и Рошеры, т. е. какъ къ ускользающему изъ рукъ ихъ полю для нѣмецкой колонизаціи. И дѣйствительно, мы каждый день видимъ въ нѣмецкой прессѣ, особенно демократическо-прогрессистскаго направленія, плачи о Польшѣ, когда дѣло идетъ о Россіи, и крики противъ поляковъ, когда дѣло касается, напр., Познани*).

*) Въ виду этого, а равно въ виду совершенно негуманнаго отношенія Либкнехта къ другимъ славянамъ, кромѣ поляковъ, нельзя назвать тактичнымъ сочувственнымъ разобраніемъ нами Либкнехтовымъ рѣчамъ и брошюрамъ отзывъ въ предисловіи къ польскому переводу его, — въ общемъ совершенно благонамѣренной, — брошюры «*Zu Trutz und Schutz*». Переводъ этотъ («*W obronę praw*»

Все это показывает, как мало могут ожидать славянские народы доброго к себе отношения даже от демократически-прогрессивных немецких партий, не исключая значительной доли социаль-демократов, которые еще недавно цѣлкомъ стояли на точкѣ зрѣнія Листовъ, при чемъ громилъ не только русскій царизмъ, но и русскій империализмъ и пазывали и такихъ людей, какъ Герценъ и Бакунинъ, царскими агентами. У Герцена находимъ прекрасныя характеристики этого смѣшенія духа старыхъ саксонскихъ императоровъ съ новымъ космополитизмомъ и социализмомъ у немецкихъ *Umwälzungsmänner*. Одна изъ этихъ характеристикъ была уже приведена нами въ «Вольномъ Словѣ» изъ «Колокола» (15 янв. 1859); по въ виду приведенныхъ выше словъ Листа о томъ, что Россія станетъ еще опаснѣе, если получить «человѣческую голову», — мы считаемъ нелишнимъ повторить здѣсь эти слова Герцена: «Есть ограниченныя умы и узкія народныя ненависти; они неавидятъ, не разсуждая. Возьмите статьи немецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и взгляните въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бы эта ненависть сопряжена была съ какою нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, норвали бы свои цѣли, — я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди, неавидятъ евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ государственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ»^{*}). Описывая немецкую революціонную эмиграцію 1848 г., Герценъ говоритъ (Сочиненія, т. VIII, 311—312): «Всѣ немецкіе революціонеры большіе космополиты; sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität, (они

ду», Genewa. 1882) только что вышелъ въ изданіи общества «Lud Polski», отъ имени котораго написано и безусловно сочувственное Либкнехту предисловіе, какъ человѣку, всегда желавшему «возстановленія Польши». Неужели же «Lud Polski» раздѣляетъ всѣ идеи, которыми мотивировалъ и сопровождалъ Либкнехтъ свои пожеланія освобожденія Польши? Было бы печально, если бы на это пришлось отвѣтить утвердительно!

^{*} То, что теперь говорится въ немецкой, даже въ прогрессистской, печати по поводу рѣчей Скобелева и въ томъ числѣ по поводу его сочувственнаго покаянью тостъ его въ Варшавѣ, даетъ намъ основаніе выписать здѣсь слова наши, сказанныя въ брошюрѣ «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale»: «Немецкая пресса руководится (въ отношеніи Россіи) чувствами династическаго сервилизма, соединенными съ племенными ненавистями и расчётами прусской политики. Она хорошо понимаетъ, что, съ наступленіемъ свободы въ Россію, положенъ будетъ конецъ привилегіямъ немецкихъ бароновъ въ Балтійскихъ провинціяхъ Россіи и ихъ преобладанію въ русской бюрократіи и что свободная Россія перестанетъ быть орудіемъ въ рукахъ Пруссіи и всѣхъ Священныхъ союзовъ». «Немецкая печать кричала уже на пожаръ, когда въ Россію поднялся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; она теперь всегда кричитъ въ такомъ же родѣ, когда зайдетъ рѣчь о введеніи въ Россію политической свободы, какъ она кричитъ о наслѣдственномъ империализмѣ, когда зайдетъ рѣчь объ удовлетвореніи самыхъ справедливыхъ требованій воздвигнутыхъ имперіи царя, напр. поляковъ. И однакъ она называетъ Россію землею кнута (Knutland) и оплакиваетъ участь Польши, когда нужно очертить не только правительство, но и общество русское въ глазахъ Европы, какъ это дѣлалось во время послѣдней войны». (ор. с. 1. 14—15).

переросли точку зрѣнія національностей) — и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упорнаго патриотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобы Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи». (Боясь удлинить статью, мы опускаемъ любопытныя примѣры того, какъ немецкіе либералы и революціонеры 1848 г. относились не только къ славянамъ, но и къ Италіи, которая тоже будто бы по космополитически-культурнымъ соображеніямъ должна была, по ихъ мнѣнію, подчиниться Австріи).

Въ другомъ мѣстѣ (въ Колоколѣ, 1862, стр. 119—120) Герценъ говоритъ:

«Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ немецкими демократами. У большей части немцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что немецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу своего народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но немецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ презиралъ свой народъ и не съ бы немецкую цивилизацію дикарямъ, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур—Эст — и Лифляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ Австрія».

Въ виду такого отношенія немецкой публики разныхъ партий къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ, не удивительно, если время отъ времени во всей Европѣ поднимаются разговоры о предстоящей генеральной баталіи между германствомъ и славянствомъ за обладаніе страной между Эльбой и Адриатическимъ и Чернымъ Моремъ. Такая баталія, по истинѣ, не есть вещь невозможная. Правда, есть люди, которые находятъ, что она будетъ предупреждена торжествомъ социализма, какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи и Россіи, — и что, если бы даже раньше этого времени политическія столкновенія и привели къ такому или иному передвиженію немецкой политической или даже этнографической границы въ ущербъ государствамъ и племенамъ славянскимъ, то основныя интересы народовъ мало бы отъ этого пострадали.

Съ этимъ успокоительнымъ ожиданіемъ нельзя однако согласиться безусловно: во первыхъ, социалистическое движеніе нигдѣ еще не достигло такой практической силы, которая бы давала убѣдительное основаніе вѣрить въ очень скорое его торжество надъ всѣми прочими политическими факторами. Во вторыхъ, и самое социалистическое и даже вообще оппозиціонное движеніе само можетъ подвинуть правителей Пруссіи на восточную войну, какъ на средство отвлеченія общественной энергіи и вымѣстѣ привлеченія колонизаціи немецкой въ новыя страны, — при чемъ многіе прогрессистскіе и социалистическіе элементы несомнѣнно будутъ довольны борьбою «съ варварскимъ и деспотическимъ міромъ славянства». Въ результатѣ же побѣды германства должна выйти не только задержка торжества демократіи въ самой Германіи, но и новое насажденіе феодальныхъ элементовъ въ славянскихъ странахъ, на которыя наляжетъ немецкая бюрократія, капиталисты и даже колонизація вообще, —

какъ это происходило и до сихъ поръ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ одна національность насаждала на другую. Наконецъ, самое социалистическое движеніе, по всей вѣроятности, подобно всему на свѣтѣ, будетъ подчиняться тѣмъ законамъ, по которымъ все новое появляется не сразу въ совершенномъ видѣ, а въ извѣстномъ приспособленіи къ существующему, — т. е. въ каждой странѣ приспособляясь къ ея степени политическаго и экономическаго развитія, къ пріобрѣтеннымъ національнымъ привычкамъ и проч. Съ этой стороны показанное выше смѣшеніе у многихъ, по крайней мѣрѣ, немецкихъ социал-демократовъ, духа Генриха Святаго съ идеями интернаціональнаго социализма, представляетъ мало утѣшительнаго для людей, желающихъ скорѣйшаго прекращенія племенной борьбы въ средней Европѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей (на юррембергскомъ рабочемъ конгрессѣ 1868 г.) тотъ же Либкнехтъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Одинъ изъ предшествовавшихъ ораторовъ говорилъ въ пользу всеобщаго разоруженія. Я тоже стою за него. Но оно только тогда можетъ наступить, когда всѣ враги народовъ будутъ сдѣланы безвредными. А это еще не скоро настанетъ. Для Германіи и Франціи часть освобожденія, кажется мнѣ, не далека. Но съ нашимъ освобожденіемъ мы еще не будемъ у цѣли; намъ останется еще совершить кровавый трудъ, исполнить святой долгъ: разрушеніе Россіи, возстановленіе Польши (курсивъ въ подлинникѣ). Намъ предстоитъ отбить двуглавою русскому орлу голову, обращенную къ западу; мы должны искупить преступленіе совершенное относительно Польши нашими государями, а именно преступленіе самаго каварнаго и не-немецкаго между ними, Фридриха — «Великаго», какъ называютъ его фальсификаторы исторіи. Только тогда, когда деспотизмъ будетъ выпнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, народы смогутъ разоружиться. До тѣхъ поръ мы должны настаивать на нашемъ требованіи всеобщаго вооруженія: каждый гражданинъ долженъ быть солдатомъ и каждый солдатъ гражданиномъ» (курс. подл.).

Безъ всякаго сомнѣнія, уничтоженіе деспотизма въ Россіи и разрушеніе ея централизаціи (если не союза теперь поработанныхъ ею народовъ) и возстановленіе автономіи польскихъ областей (копечно, дѣйствительно польскихъ, а не историческаго польскаго государства) составятъ настоящую необходимость дальнѣйшаго прогресса Европы. Но все это освободительное дѣло должно быть совершенно для самихъ народовъ Россіи и ими самимъ. Только въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ и совершиться вполне успѣшно. Исторія уже показала, что, когда подобное дѣло затѣвается со стороны, — то изъ него не выходитъ ничего добраго не только для объекта освобожденія, но и для субъекта и для сохраненія идеи свободы даже въ ея теоретической чистотѣ. Такъ, когда французы въ великую революцію принялись освобождать военными походами своихъ восточныхъ сосѣдей, то довели ихъ и себя, а дальше и идею революціи, — до Наполеона! То же самое стало бы и съ немца-

мп, если бы они, даже предводимые Лассалем и Либкнехтами, — не говоря уже о Бисмарках, — предприняли разрушение России и восстановление Польши, — и тем еще больше, что выписанные выше фразы Лассала о немецких солдатах на Босфор и Либкнехта о «плотине, воздвигнутой немецким миром против славянства» показывают, что у немецких освободителей осталось гораздо больше национального шовинизма и завоевательной (и неизбежно монархической) закваски, чем даже у французских якобинцев время великой революции.

Вот почему даже людям, разделяющим социалистические идеи, нет оснований очень оптимистически смотреть в ближайшее будущее племенных отношений в средней Европе, и в особенности возлагать слишком оптимистических надежд на немецкую социаль-демократию. В области социалистической политики, социалисты славянских народностей, особенно ближайших к немцам соседей, (эстов, латышей, литовцев, поляков, чехов, словенцев), должны позаботиться об организации демоса своих народов для самостоятельной борьбы со своими общественными и экономическими феодалами, — между которыми громадной процент принадлежит немецкой национальности, — борьбы, все плоды которой были бы сохранены именно для этих народов, а не для благодетелей со стороны. Только при такой самостоятельной организации социалистических партий среди соседних с немцами народов будет обеспечен успех пропаганды социалистических идей среди этих народов, а вместе с тем будут образованы элементы, — говоря языком Либкнехта, — «мощной плотины» против шовинизма и феодализма даже среди немецких масс, плотины, полезной даже для самих этих масс, так как она предохранит их от господства Наполеонов и Бисмарков. Но рядом с этим и социалисты положительно-научного, а не в своем роде религиозного воспитания должны же понимать, что история есть очень сложный процесс, в котором принимают участие разные силы, политические, национальные и т. п., — и понимать значение и многих из теперь действующих общественных элементов, еще далеких от идей интернационального социализма, но все таки могущих способствовать прекращению теперешнего наступления одной нацию на другую и всех нравственных и социально-экономических последствий такого наступления: междуплеменной розни и вражды, усиленной феодализации собственности и т. д. Не подлежит сомнению, что, подобно тому, как объединение Италии и Германии, положивши предел хозяйничанию французских правительств над Францией, способствовало развитию миролюбивых и космополитических идей во Франции, и вместе с тем обращению внимания французов к внутренним вопросам, — так же и преобразование Австрии, России и Балканских стран в такие политические союзы, в которых бы каждый народ получил возможность прочной организации своих сил, — оста-

новило бы воинственные стремления Германии к господству на Востоке и послужило бы в пользу самих населений Германии.

К сожалению, многие политические люди даже в славянских землях гораздо больше думают о возможности остановки завоевательного движения Германии исключительно силою подобной же ей воинственной организации, напр., России, чем о прочной организации непосредственно угрожаемых Германией народов, — при чем не совсем у места ссылаются на примеры Пьемонта и Пруссии, которые остановили экспансивное стремление Франции. Между тем, как эти надежды на Россию, так равно и все мистические соображения о столкновении между Россией и Пруссией, как между представителями двух миров, — соображения, которые мы находим одинаково на германской, как и на славянской стороне, — так и невнимание к экспансивному движению немцев на Восток, происходят от недостатка анализа сущности германского движения на Восток и роли и положения русского государства по отношению к западным его окраинам и соседям.

(Окончание в следующем номере.)

М. Драгоманов.

ИЗЪ ДУБРОВНИКА.

(Отъ корреспондента «Вольного Слова».)

Не смотря на то, что, как я писал вам, главным театром теперешней борьбы сербского народа с Австрией уже давно сдѣлалась сѣверная Герцеговина, я все таки оставался в Боккѣ. Мне было трудно разстаться с краем, не увидавъ рѣшительнаго дѣйствія, не составивъ себѣ мнѣнія о шансахъ успѣха криванскихъ юнаковъ. Къ тому же, пребываніе въ Боккѣ, особенно же въ Которѣ, знакомяло меня съ австрийскими приготовлениями и вообще съ военною и административною системою Австрии въ славянскихъ земляхъ, о которой стоило бы сообщить вамъ многое, если бы не было предметовъ болѣе жгучаго интереса: еще важнѣе было видѣть отсюда, какъ Австрія все болѣе и болѣе запускаетъ лану въ Черногорію, какъ она опутываетъ, если не народъ черногорскій, то весь правительствующій людъ, этотъ верхній слой, все болѣе и болѣе выдѣляющийся изъ народа и становящийся ему чуждымъ.

Да! на что другое, а на коррупцію австрийцы молодцы! какъ они умѣютъ каждому обѣщать золотыя горы, а давать по камешку! Весь цетинскій «дворъ», все «принци крови» (Петровичи, Радоничи), самъ князь — уже давно у Австрии «на содержаніи». Но пусть бы ужъ только Австрія соблазнила однихъ парижско-цетинскихъ бульвардьеровъ, хоть совсѣмъ бы ихъ взяла къ себѣ, — а то теперь австрийскіе агенты больше всего принялись за настоящихъ черногорскихъ главарей. Теммель ходитъ ко всякому, глядитъ, чего ему не достаетъ, жалѣть его начинаютъ: «ахъ! какъ бы хотѣлъ помочь! онъ князю скажетъ, а если князь не поможетъ, такъ Теммель цесарю напишетъ: цесарь такъ богатъ, такъ могущественъ, такъ добръ, такъ любитъ черногорцевъ» и т. д. — Черезъ нѣсколько времени опять Теммель говоритъ: «цесарь готовъ наградить васъ и по-

жаловать и большимъ, но вамъ нужно прежде заслужить его милость; сдѣлайте вотъ то и то». Кто же противится, того Теммель обноситъ передъ княземъ. И одинъ за другимъ главари (по крайней мѣрѣ столичные) являются должниками Австрии, или служатъ ей въ ожиданіи будущихъ благъ. Труднѣе всего было залучить Машо Врбичу, умнѣйшаго изъ черногорскихъ воеводъ; но его такъ задарили австрийцы (сыновья его всѣ воспитываются на счетъ австрийскаго императора), что говорить, хотя и не хочется вѣрить, что и Врбича попался въ сѣти.

Одного только не разсчитываютъ въ Вѣнѣ. Забравши въ руки всѣхъ главарей, заставляя ихъ себѣ служить въ противорѣчій съ понятіями и чувствами пхъ народа, Австрія отчуждаетъ ихъ отъ послѣдняго и приготовляетъ народную реакцію противъ нихъ и противъ собственнаго вліянія.

Впрочемъ, ошибка можетъ быть и другаго рода. Какъ въ прежніе годы, русскій агентъ, Юнишъ, увлекался своимъ прекраснымъ сердцемъ, такъ довѣрился цетинскому «двору», что сдѣлался проводникомъ его интересовъ даже въ ущербъ интересамъ русскимъ, такъ и теперь Теммель, хотя гораздо болѣе хитрый и разсчитливый, нежели добрякъ Юнишъ, повидимому, все таки подпалъ подъ вліяніе князя Николая. По крайней мѣрѣ, его содѣйствіе эмпрации семействъ возставшихъ герцеговинцевъ въ Черногорію и поддержка или одобреніе идеи отдачи князю Николаю новаго кусочка Герцеговины не могутъ быть объяснены австро-венгерскими интересами. Прежде чѣмъ согласиться на новый раздѣлъ несчастной страны, Австро-Венгрия сдѣлала бы подумать, — купитъ ли она этимъ поступкомъ, который еще болѣе вооружилъ бы противъ нея населеніе занятыхъ ею странъ, что нѣбудь существенное, и можно ли положиться на увѣренія правителей, обманывающихъ свой собственный народъ?

(Три дня спустя.)

Столкновеніе, котораго я ждалъ, наконецъ произошло и оно было, какъ и сдѣлало ожидать, рѣшено въ пользу громаднаго перевѣса матеріальной силы надъ личною храбростію и одушевленіемъ. Я говорю о занятіи австрийцами Леденицы, ближайшаго пункта къ землѣ Криванъ, о которомъ вы уже, конечно, знаете изъ газетъ. Сраженіе, при этомъ происшедшее, можно сказать, слышала и видѣла вся Бокка. Уступы горъ, на которыхъ лежитъ Криванъ, поднимаются у самаго берега надъ городомъ Рисанъ; передовая позиція Криванъ могла быть поэтому обстрѣливаема не только батареями съ разныхъ пунктовъ твердой земли, но и орудіями австрийской эскадры, сосредоточенной въ рисанскомъ заливѣ. Въ Рисанѣ и другихъ городахъ Бокки стекла вылетали изъ оконъ и самыя стѣны дрожали, какъ бы отъ землетрясенія; жители всѣ выбѣжали изъ домовъ и смотрѣли съ боязнью и ужасомъ на удивительное зрѣлище. На канонаду криванане отвѣчать не могли, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни одной пушки; но, когда пѣхотныя колонны пошли въ атаку, то имъ досталось порядочно отъ меткихъ выстрѣловъ неустрашимыхъ горцевъ. При всякой схваткѣ въ рукопашную, австрийцы здѣсь, какъ и въ Герцеговинѣ, разумѣется, были побиваемы и принуждаемы отступать. Тѣмъ не менѣе дѣло окончилось занятіемъ Леденицы и окружающихъ